

Пятьсот лет назад в мире Цзянху то и дело возникали различные силы, каждая из которых устанавливала свои границы и объявляла себя хозяевами земель. Сильные не желали мириться с тем, что слабые могут владеть целыми областями единолично, и стремились побороться за верховную власть над Поднебесной. Это привело к бесконечным междоусобным войнам и неисчислимым страданиям простого народа. Лишь буддийский Мастер Увэй своей единственной волей оберегал обитель покоя и чистоты — храм Ханьшань.

Пожары войны бушевали почти целое столетие, но победитель так и не объявился. Мастер Унянь, прямой ученик Мастера Увэя, следуя наставлениям учителя, держал храм Ханьшань в стороне от мирских распрей. Однако он не мог спокойно смотреть на тяготы и муки живых существ и, гадая для себя, повелел своему прямому ученику Хуэймину отправиться в мир людей, чтобы спасти страждущих.

Всего за два года все силы Цзянху оказались подавлены.

Так была основана новая династия, а Хуэймин вззошел на престол как император.

Когда Хуэймин вернулся в обитель к Мастеру Уняню, то обнаружил, что наставник уже ушел в нирвану. Прямо перед ним на земле отчетливо был выведен один-единственный иероглиф — Сяо.

Поэтому Хуэймин взял фамилию Сяо и назвал свое государство Тайань, вложив в это имя пожелание процветания страны и мирной жизни для народа.

После смерти Хуэймина потомки даровали ему посмертный титул Император Миндэ. На протяжении последующих трехсот лет в Государстве Тайань погода всегда благоприятствовала земледелию, а народ жил в мире и безопасности.

Триста второй год правления Тайань — пятнадцатый год эры правления императора Минжэня.

В роскошном тронном зале мужчина в короне с жемчужными подвесками стоял, заложив руки за спину. По обе стороны от ступеней перед ним почтительно застыли четыре шеренги сановников. Все они потупились, словно пытаясь скрыться от чьего-то гнева.

Хлоп!

Император Минжэнь с силой швырнул докладную записку на ступени. Этот резкий звук прозвучал точь-в-точь как звонкая пощечина, пришедшаяся по лицам всех присутствующих. Чиновники внизу украдкой переглядывались, не зная, что и делать, и лишь вжимали головы в плечи еще сильнее.

Сверху раздался полный гнева и величия голос:

— Какая это по счету смерть за этот месяц?! Кроме как подавать доклады с требованием скорейшего поимки истинного убийцы, на что вы еще способны?!

Внизу никто не смел откликнуться, ведь это было уже пятым убийством за текущий месяц. Среди жертв находились как чиновники, так и простые горожане. Простые люди были охвачены ужасом, смертельно боясь, что следующая очередь дойдет до них самих.

Если сложить время, прошедшее с момента совершения всех пяти преступлений, набегало уже двадцать пять дней. Сроки наступления смерти, личности убитых и способы расправы — все разнилось от случая к случаю. Однако на месте каждого преступления на стене или на земле неизменно красовался символ, подозрительно похожий на колокольчик. Он недвусмысленно указывал на то, что за всеми этими расправами стоит один и тот же человек, а возможно — и целая организация. Из-за этого суд пагоды Дали на долгое время зашел в полный тупик.

— Младший министр суда пагоды Дали!

— Ва-ваше величество, я здесь!

Нынешнему младшему министру суда пагоды Дали — Чжэнь Инцину — исполнилось уже тридцать девять лет, и он неумолимо приближался к рубежу зрелости. У него было двое сыновей и дочь: старший сын Чжэнь Ли девятнадцати лет от роду служил расследователем в суде пагоды Дали, помогал отцу в ведении дел, выискивал подозрительные несостыковки в судебных разбирательствах и в будущем должен был унаследовать семейное дело; вторая дочь Чжэнь Ло семнадцати лет не преуспела ни в музыке, ни в шахматах, ни в каллиграфии, ни в живописи, зато ее мастерство вышивания и шитья славилось на всю столицу (правда, лишь Чжэнь Ли знал, что его сестра искуснее всего владеет вовсе не иглой с ниткой, а...); младший сын Чжэнь Юй четырнадцати лет находился в самом бунтарском возрасте, с детства был избалован домашними, сорил деньгами без счета и в глазах простых людей слыл типичным праздным гулякой.

Услышав свое имя, произнесенное императором, этот господин младший министр понял, что сегодня ему никак не отвертеться. Он сделал два шага к центру, выдвинул вперед нефритовый жезл, который сжимал в руках, и почтительно согнулся в поклоне.

Но поклон он отвесил, а император больше ничего не спрашивал, так что бедному министру оставалось лишь неловко застыть с вытянутым вперед жезлом.

Тем временем император палец за пальцем постукивал по столешнице. Звук этот был негромким, но разнесся по всему тронному залу. Пока правитель не отстучал десятый удар, никто не смел нарушить тишину. Наконец император снова заговорил:

— Есть ли какая-то общая связь между этими пятью делами?

— Отвечая вашему величеству: на первый взгляд все пять дел кажутся совершенно разными и

никак не связанными между собой, однако на местах каждого преступления нарисован один и тот же узор, что наводит на мысль об умышленных действиях некоего злоумышленника.

Как только младший министр закончил говорить, некоторые чиновники в зале согласно закивали, выражая свое согласие. Однако император остался крайне недоволен.

— Чего вы киваете? Эту фразу повторяют еще со второй жертвы. Идет уже пятое убийство, но если у вас по-прежнему лишь это единственное открытие, то, по мнению Одинокого, с вами расследуют это дело или без вас — никакой разницы!

Император Минжэнь взмахнул широким рукавом, резко развернулся и уселся обратно на драконий трон. Он яростно уставился на Чжэнь Инцина, а затем бегло окинул взглядом остальных сановников.

Чиновнику Чжэню поневоле пришлось еще ниже опустить голову. На его лице застыло выражение неловкости, смешанное с желанием что-то сказать.

— Есть что сказать — так говори!

Император давно раскусил его выражение лица.

— Ваше величество, у меня... у меня действительно есть еще кое-что сказать! Только...

Видя, как Чжэнь Инцин мнётся и запинаясь, император Минжэнь так и подмывал лично сойти вниз и отвесить тому пару тумаков.

— Говори! Одинокий дарует тебе прощение!

Бух!

Чжэнь Инцин внезапно рухнул на колени, до смерти напугав стоявших по правую руку гражданских чиновников, которые аж подпрыгнули от неожиданности.

— Ваше величество! Ваш подданный подозревает, что за этой чередой преступлений стоит Павильон Божественных Звуков!

— Что?!

— Павильон Божественных Звуков? Разве это не канувшая в лету организация убийц?

— Разве ее не уничтожили много лет назад? Как может Павильон Божественных Звуков все

еще существовать?

— Чиновник Чжэнь, выбирай выражения!

— Если это и впрямь так, что же нам теперь делать?..

— ...

Стоило Чжэнь Инцину произнести эти слова, как гражданские чиновники в тронном зале заволновались, словно в котле. Военачальники же, стоявшие по другую сторону, лишь презрительно скривились: подумаешь, горстка убийц, а эти штатники перепугались до смерти! Хм, Государство Тайань могут защитить только военные!

Услышав это, император Минжэнь даже слегка широко раскрыл глаза. Он никак не ожидал от Чжэнь Инцина подобного заявления и на мгновение умолк, погрузившись в раздумья.

— Ваше величество!

Стоявший у подножия тронного помоста старый евнух воспользовался тем, что сановники шумели, и тихо позвал государя.

Император скосил на него взгляд, разрешая говорить.

— Этот раб полагает, что дело и впрямь замешан Павильон Божественных Звуков.

Услышав его слова, император приподнял брови, еще раз окинул взглядом министров внизу и мысленно отметил реакцию каждого. А Чжэнь Инцин тем временем по-прежнему дрожал от страха, стоя на коленях посреди зала, в то время как с его лба градом катился холодный пот.

— Генерал Ван! Что это за выражение лица у тебя?

Наконец гражданские чиновники заметили пренебрежительные взгляды военачальников и перенесли свой гнев на них.

Генерал Ван, по имени Ван Чунмин, в свои двадцать семь лет уже десять лет провел в походах, лично сгубив бесчисленное множество врагов. Император Минжэнь пожаловал ему личный титул Генерала Красного Орла. Он также являлся второй по значимости фигурой среди военных, хотя до сих пор не был женат.

Услышав, что кто-то обращается к нему, генерал Ван упер одну руку в бок, продолжая сжимать в другой нефритовый жезл.

— Мое выражение лица? Да что вы нашли в моем лице? Разве оно может сравниться с теми прекрасными физиономиями, что сейчас красуются у господ штатских сановников? Ха-ха!

Едва генерал Ван закончил фразу, как лагерь военачальников дружно разразился хохотом. Кое-кто даже вполголоса назвал штатников трусами, что стало страшным оскорблением для собравшихся чиновников.

— Генерал Ван, вы!..

— Да вы!..

— Тьфу, сплошное бесчинство!

Каждое утреннее заседание заканчивалось одинаково: каким бы ни был вопрос, в конце концов все скатывалось к спору между гражданскими и военными. Император Минжэнь давно привык к подобному. Он невозмутимо поднял взгляд на стоявшего в стороне евнуха Му И и подал ему всего один знак глазами, который тот мгновенно понял.

— Ти-ши!

И действительно, пронзительный голос заставил министров внизу моментально захлопнуть рты, и те вновь приняли почтительный вид.

— Раз уж ваши мысли сегодня вовсе не о расследовании, тогда на сегодня аудиенция окончена!

Император Минжэнь произнес это и уже собрался встать, как евнух Му И торопливо семенил к нему, протягивая руку, чтобы поддержать правителя.

— Ваше величество! Дело чрезвычайно серьезное, умоляем вас вынести решение как можно скорее!

Чиновники опасались, что слухи правдивы, и были вынуждены умолять государя как можно скорее отправить людей на поиски истинного злоумышленника.

— Мм?

Император поднял глаза на говорившего — им оказался академик Внутреннего кабинета Чжан Чжиюань.

— Или чиновнику Чжану требуется, чтобы Одинокый приставил к нему личную охрану?

Чжан Чжиюань на мгновение опешил, но тут же поспешно ответил:

— Ваш подданный вовсе не это имел в виду. Я лишь считаю, что если дело пойдет так и дальше, то в ужасе будут пребывать не только простые люди, но и сами чиновники потеряют душевный покой...

— Остальные сановники думают так же?

Чиновники один за другим закивали — или, если выражаться точнее, гражданские чиновники закивали с усердием.

— А Одинокий-то думал, что вы так увлечены спорами штатских с военными, что у вас просто нет времени заниматься этим делом. Оказывается, собственную жизнь вы все-таки цените.

После таких слов императора у тех чиновников, что обладали тонкими нервами, лица заметно покраснели. Те же, у кого характер был помягче, поспешили первыми признать свою неправоту.

— Ладно-ладно, если в этом деле действительно замешан Павильон Божественных Звуков, от вас, штатских, все равно толку не будет — только и останется, что прятаться по норам. Одинокий уже придумал, как поступить, так что все свободны!

— Ваше величество!..

— Ау-ди-енция окон-чена!

Чиновник Чжан еще хотел что-то сказать, но главный евнух уже объявил об окончании приема, и он, разумеется, не мог броситься вперед, чтобы преградить путь императору.

— Чиновник Чжан, пойдете же.

Коллеги, видя, что император удалился, лишь окликнули Чжан Чжиюаня.

Толпа сановников покинула тронный зал и побрела по каменным ступеням небольшими группами. Гражданские чиновники делились друг с другом тревогами, в то время как военные сбились в кучку и продолжали посмеиваться. Кое-кто из чиновников даже попытался завязать дружбу с чиновником Чжэнем, надеясь выведать, насколько достоверны новости.

И едва все успели отойти от главного зала, как евнух Му И сбежал по ступеням наружу.

— Чиновник Чжэнь! Генерал Ван!

Услышав зов евнуха Му И, оба остановились.

— Евнух Му И.

— Евнух Му И!

Хотя Му И был евнухом, он прислуживал императору Минжэню с восьмилетнего возраста и по сей день. Для самого императора никого ближе и надежнее Му И не существовало — даже его собственная мать-консорт не могла с ним сравниться. К тому же Му И отличался нравом мягким и предупредительным, и когда кто-то из сановников бывал наказан императором и отправлен стоять на коленях, они так или иначе всегда получали от него ту или иную заботу. То чашку воды принесет, то лепешку, а то и зонт в дождливый день. Поэтому оба военачальника и чиновника никогда не выказывали евнуху неуважения.

Му И, видимо, уже был в годах, а потому, добежав до них, слегка запыхался.

— Ваше... ваше величество велел передать двоим господам слова: поскольку время еще раннее, прошу господина чиновника и генерала пожаловать в Южный кабинет вместе откусать полуденного трапезы.

Чжэнь Инцин и Ван Чунмин переглянулись, мгновенно уразумев истинный смысл императорского приглашения. Сложив руки в приветственном жесте, они поблагодарили евнуха Му И и бок о бок направились в сторону Южного кабинета, а их уход вновь породил волну самых разнообразных догадок среди остальных сановников.

<http://bllate.org/book/21822/2259404>